

Дудчик Андрей Юрьевич

кандидат философских наук, доцент,
заместитель директора по научной работе
Института философии
Национальной академии наук Беларуси;
Уральского федерального университета
им. первого Президента России Б.Н. Ельцина
<https://orcid.org/0000-0002-6810-5103>

**МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ
«ЭТИКА ВОЙНЫ» В ПРОЕКТЕ
МАРКСИСТСКОГО ИЗУЧЕНИЯ
СЕМЬИ И БРАКА В БЕЛОРУССКОЙ
СОВЕТСКОЙ ФИЛОСОФИИ
В 1920-Е ГГ.***

Аннотация:

Статья посвящена изучению становления материалистической «этики войны» в белорусской советской философии в 1920-е гг. Показано, что, поскольку в этот период практически отсутствуют специальные философские работы по этике, специфику материалистической этики можно реконструировать на материале историко-философских исследований, в частности марксистской интерпретации философии Б. Спинозы. Анализируется специфика проекта марксистской генеомии – философско-социологического учения о семье и браке, развивавшегося в 1920-е гг. исследователями из Минска на фоне разворачивающихся в Советском Союзе процессов трансформации семейной жизни и гендерных отношений, поскольку в этих работах сочетаются социально-исторический и философско-нормативный варианты изучения социальных явлений, в том числе и войны. Развитие марксистской генеомии рассматривается как один из случаев общего процесса трансфера зарубежных идей и концепций в белорусские социальные науки и философию. Рассмотрены особенности генеомического проекта и роль понятий войны и борьбы, а также их этическая оценка в работах Ф. Мюллера-Лайера, чьи идеи были восприняты и трансформированы советскими исследователями. Выявлена специфика материалистической версии генеомии как научного проекта. На материале генеомических работ белорусского философа С.Я. Вольфсона реконструированы: особенности понимания войны как фактора социальной эволюции на протяжении человеческой истории; анализ роли войны в динамике капиталистического и советского общества и развитии семейно-брачных отношений в них; использование риторических средств, связанных с описанием войны и борьбы для анализа научной и философской деятельности. Показано, что для марксистско-материалистической версии «этики войны», развиваемой в рамках белорусской советской философии и марксистской социологии в 1920-е гг., характерны: натуралистическое и даже в большей степени социологизаторское рассмотрение войны; детерминизм в принятии войн как неизбежного фактора эволюции общества; диалектическая оценка причин войны и ее результатов; акцент на роли коллективного блага при анализе войны и ее последствий.

Dudchik Andrey Yuryevich

PhD, Associate Professor,
Deputy Director,
Institute of Philosophy of the National Academy
of Sciences of Belarus;
Ural Federal University
<https://orcid.org/0000-0002-6810-5103>

**MATERIALIST “ETHICS OF WAR”
IN THE PROJECT
OF MARXIST STUDY
OF FAMILY AND MARRIAGE
IN BELARUSIAN SOVIET
PHILOSOPHY IN THE 1920S****

Summary:

The research studies the formation of materialist “ethics of war” in Belarussian Soviet philosophy in the 1920s. It has been shown that despite the absence of special philosophical works on ethics during this period, the specificity of materialist ethics can be reconstructed on the basis of historical study of philosophy, in particular the Marxist interpretation of the philosophy of B. Spinoza. The specificity of the project of Marxist geneonomy as philosophical and sociological doctrine of family and marriage is analyzed. The geneonomy was developed in the 1920s by researchers from Minsk during the processes of transformation of family life and gender relations unfolding in the Soviet Union. These works combined socio-historical, philosophical and normative approaches for studying social phenomena, including war. The development of Marxist geneonomy is presented as one of the cases of a more general process of transferring foreign ideas and concepts in Belarussian social sciences and philosophy. The features of the geneonomic project and the role of the concepts of war and struggle, as well as their ethical assessment in the works of F. Müller-Lyer, whose ideas were adopted and transformed by Soviet researchers, are analyzed. The specificity of the materialist version of geneonomy as a scientific project is revealed. According to the geneonomic works of the Belarussian philosopher S.Ya. Wolfson peculiarities of understanding war as a factor of social evolution throughout human history, analysis of the role of war in the dynamics of capitalist and Soviet societies and the development of family and marriage relations in them, the use of rhetorical means associated with the description of war and struggle for the analysis of scientific and philosophical activities were reconstructed. The main peculiarities of the Marxist-materialist version of the “ethics of war”, developed within the framework of the Belarussian Soviet philosophy and Marxist sociology in the 1920s, are shown. They are naturalistic and even sociologist vision of war; determinism in the acceptance of wars as an inevitable factor in the evolution of society; a dialectical assessment of the causes of war and its results; emphasis on the role of the collective good in the analysis of war and its consequences.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научного проекта № 20-18-00240 «Этика войны в странах православной культуры: осмысление индивидуального опыта и реконструкция нормативной модели поведения».

** The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation within the framework of the scientific project no. 20-18-00240 “Ethics of War in the Orthodox Countries: Reflection of Individual Experience and Reconstruction of Normative Behavior Model”.

Ключевые слова:

С.Я. Вольфсон, С.З. Каценбоген, Ф. Мюллер-Лайер, генеомия, марксистская социология, социология семьи, материалистическая этика, этика войны, борьба

Keywords:

S.Ya. Wolfson, S.Z. Katzenbogen, F. Müller-Lyer, geneonomy, Marxist sociology, family sociology, materialist ethics, ethics of war, struggle

Данная статья является составной частью исследования репрезентации войны в белорусской культурной традиции XX в. с целью выделить ключевые понятия и идеи, характеризующие «этику войны» в белорусской культуре. События, связанные с военными действиями во время Первой мировой войны и Гражданской войны, оказали существенное влияние на социальные, политические, культурные процессы на белорусских территориях, в частности П.А. Рудлинг отмечает существенную роль фактора войны и наличия фронтовой линии в успешном становлении белорусского национального движения [1]. Период 1920–30-х гг. в советской Белоруссии представляет достаточно обширный материал для изучения темы войны: художественная литература, периодические издания, посвященные военной тематике, находящаяся в процессе становления традиция советской марксистской философской и гуманитарной мысли. В последней особое внимание было уделено проекту социологического изучения вопросов семьи и брака (генеомии), поскольку в этих текстах сочетаются социально-исторический и философско-нормативный варианты анализа социальных явлений, в том числе и войны. Достаточно подробно обращение к теме войны в рамках марксистского анализа семьи и брака, на первый взгляд, является неожиданным, но вместе с тем позволяет сделать предположение о значимости этой темы для белорусской советской интеллектуальной культуры 1920-х гг. Поскольку в советской философии 1920-х гг. вопросы этики обсуждались преимущественно в рамках общефилософских дискуссий [2, с. 180], то можно предположить, что рассуждения о войне в рамках марксистской генеомии являются одним из наиболее теоретически проработанных и философски нагруженных вариантов концептуализации «этики войны» в рамках белорусской советской философии. Для решения основной цели – реконструкции «этики войны» в белорусской советской философии 1920-х гг. – в статье будут последовательно рассмотрены: общефилософские представления об этике в белорусской советской философии; специфика проекта марксистской генеомии как варианта материалистического изучения этики семьи и брака; реконструкция этических представлений о войне на материале советской генеомии в работах С.Я. Вольфсона.

Период 1920-х гг. – время становления новых социальных наук и марксистской философии в Советском Союзе. Именно тогда начинает возникать дисциплинарное деление в рамках советской философии и разрабатывается содержание учебных курсов по марксистской философии. Вместе с тем целый ряд направлений исследований, популярных в 1920-е гг., в дальнейшем в силу разных причин не вписались в формирующийся канон советской науки. К подобным направлениям относится и проект марксистской генеомии – социологического изучения проблем семьи и брака. Он активно развивался группой ученых в Минске в 1920-е гг. на фоне разворачивающихся в Советском Союзе процессов трансформации семейной жизни и гендерных отношений [3], которые некоторые исследователи характеризуют как советский вариант «сексуальной революции» [4]. Несмотря на его популярность в 1920-е гг., марксистский генеомический подход, как, впрочем, и зарубежный вариант генеомии, не получил дальнейшего развития, даже сам термин не использовался для обозначения области советской науки. Так, в «Философском словаре» 1963 г. просто сообщается: «Генеомия (греч. – род и закон) – раздел буржуазной социологии, посвященный вопросам семьи и брака» [5]. Тем не менее работы по данной тематике сегодня рассматриваются как важный этап становления социологических исследований семьи и брака в белорусской и советской науке [6, с. 316–322]. В целом генеомию можно охарактеризовать как часть советской марксистской социологии, которая достаточно бурно развивалась в 1920-е гг., но в дальнейшем оказалась под запретом и была фактически замещена историческим материализмом, институционально возродившись в 1950–60-е гг.

Марксистская социология в Советском Союзе развивалась в тесной связи с марксистской философией и часто социологи-генеомисты были одновременно известны и как философы-марксисты, например, Семен Яковлевич Вольфсон (1894–1941), автор одного из первых курсов философии диалектического материализма [7]. Как показали предыдущие исследования, белорусские марксистские философы и социологи испытывали значительное влияние зарубежных идей, и существенным фактором развития белорусской советской философии и социологии являлся процесс трансфера зарубежных идей и концепций [8]. Не является исключением и рассматриваемый случай марксистской генеомии.

Для лучшего осмысления концепции «этики войны» в проекте генеономии следует обратиться к общему пониманию этики в работах С.Я. Вольфсона. Как правило, в 1920-е гг. этическая проблематика в Советском Союзе рассматривалась в рамках более общих социально-философских концепций, основой для которых выступала марксистская философия – диалектический материализм и марксистская социология (позднее замененная историческим материализмом). И хотя у Вольфсона, как и у большинства советских философов рассматриваемого периода, нет специальных работ по этике, но достаточно полное представление о его взглядах дает работа «Этическое мирозерцание Спинозы», в которой он не просто описывает основные черты философских представлений об этике, но, подчеркивая их значимость для современности, фактически с ними солидаризируется. К этим чертам он относит: натурализацию социальных отношений и этических норм (разрушение «антропоцентрической фикции»); утверждение принципа детерминизма с признанием необходимого в качестве центральной категории; приоритет сущего над должным; отказ от представления об абсолютных целях; дефетишизацию морали и ее происхождения и, как следствие, дефетишизацию самой этики, что делает ее подлинно научной («...для нас дефетишизированная этика есть единственно научная и единственно возможная» [9, с. 9]); представление о том, что «стремление к сохранению своей сущности, борьба за существование... является безапелляционным правом человека, опирающимся на верховный и всеобщий закон природы» [10, с. 8], а самосохранение представляется основным стимулом поведения человека, детерминирующим «все наши представления о счастье и несчастье, добре и зле» [11, с. 8]; диалектический подход к проблемам нравственности, за который Спинозу несправедливо, по мнению Вольфсона, обвиняли в этическом релятивизме; социальное (трансформация эгоистических инстинктов в социальные) и «земное» понимание этики; эвдемонистический характер этического учения, акцент на стремлении человека к счастью; активную позицию человека как субъекта этической деятельности.

Сам термин «генеономия» (вероятно, впервые введенный в научный оборот естествоиспытателем и философом Э.Г. Геккелем) активно использовал немецкий социолог Франц Карл Мюллер-Лайер (вариант написания, принятый в изданиях 1910-20-х гг., – Мюллер-Лиэр). Поскольку в русскоязычных источниках мало информации об этом ученом, то имеет смысл привести краткие сведения о нём. Ф. Мюллер-Лайер (1857–1916) родился в г. Баден-Баден, изучал медицину в Страсбурге, Бонне и Лейпциге, психологию и социологию – в Берлине, Вене, Париже и Лондоне. В качестве врача работал с Э.Г. Дюбуа-Реймоном и Ж.М. Шарко. Сегодня он известен как открыватель оптического эффекта, возникающего при наблюдении обранных стрелками отрезков и носящего его имя («иллюзия Мюллера-Лайера»). Но значительно меньше известны его весьма популярные среди современников социологические работы, в которых исследователь разрабатывал научную эволюционистскую концепцию культуры, опираясь на идеи позитивизма, марксизма и теории эволюции. Тем не менее в 2019 г. крупным британским научным издательством «Routledge» в серии «Routledge Revivals», посвященной малоизвестным сегодня классическим работам прошлого, была переиздана его работа «Семья», переведенная на английский в 1931 г. Будучи в целом приверженцем социалистических воззрений, Мюллер-Лайер рассматривал социализм на основе идей «социального индивидуализма» как реально достижимую цель эволюции общественных отношений, как способ удовлетворения стремления человека к счастью и совершенству («принцип эйфории» или «эйфористической философии») [12]. И хотя сегодня имя Мюллера-Лайера известно лишь узким специалистом, в свое время его работы были весьма популярны и авторитетны, так, например, исследователи отмечают влияние идей Мюллера-Лайера на известного немецкого архитектора и теоретика искусства, одного из основателей «школы Баухаус» Вальтера Гропиуса [13, р. 50]. В 1920-е гг. работы Мюллера-Лайера издавались на русском языке [14], а еще до революции вышли переводы книг «Формы брака, семьи и родства» и «Фазы любви» [15], входящих в его трехтомное исследование проблем семьи и брака. В «Формах брака, семьи и родства» содержатся основные идеи его проекта социологической генеономии.

Генеономические идеи Мюллера-Лайера были достаточно хорошо известны исследователям в Белорусской Советской Социалистической Республике и в 1920-е гг. активно использовались и развивались при анализе семейно-брачных отношений. Вероятно, одно из первых упоминаний генеономии в рамках советского проекта марксистской социологии встречается в статье Соломона Захаровича Каценбогена (1889–1946) «Спорные вопросы генеономии». Каценбоген, как и Мюллер-Лайер, рассматривает генеономию как область социологии, которая, по его мнению, находится в несомненном кризисе, связанным с ее спекулятивным характером («...внутренним недугом, разъедающим современную социологию, является чрезвычайное ее пристрастие к отвлеченным дедукциям и метафизической схоластике» [16, с. 282]), что проявляется в «социологическом вербализме» и «болтологии». Выход из этой кризисной ситуации он видит в ориен-

тации социологии на эмпирические исследования с использованием методов и результатов истории, археологии и этнографии и общей ориентации на материалистическую методологию. Не претендуя на исчерпывающее рассмотрение и решение этих вопросов, Каценбоген дает критику ряда современных работ и настаивает, что проблемы семьи и брака должны пониматься прежде всего как социально, а не биологически обусловленные. В более поздних работах термин «генеомия» и его производные, как правило, используются без дополнительных пояснений, как прочно вошедшие в научный оборот, например, в статье сотрудника Белорусского государственного университета Бернарда Эммануиловича Быховского (1901–1980) «Генеономические воззрения Фрейда», в которой автор критикует взгляды Фрейда за биологизаторство, «сексуоморфизм» и недооценку роли социальных факторов [17, с. 194].

Как уже отмечалось, в работах по генеомии советского периода достаточно подробно рассматривается проблематика войны, что, впрочем, характерно и для Мюллера-Лайера. В его текстах часто встречаются два понятия: «борьба» (*der Kampf*) и «война» (*der Krieg*), кроме того, хотя и значительно реже, встречается термин «вражда» (*die Feindschaft*). Борьба рассматривается как фундаментальный фактор эволюции человека. Так, Мюллер-Лайер отмечает, что человек постоянно ведет борьбу за существование (*der Kampf ums Dasein*), а это, в свою очередь, приводит к развитию индивидуального начала: «...человек ведет борьбу с природой как социальное существо, борьбу с обществом, с другой стороны – как индивид, который жаждет освободиться от племенных уз и связей; это стремление мы называем индивидуализмом» [18, с. 314]. Как следствие специфического варианта межполовой борьбы («всемирно-исторической борьбы между мужчиной и женщиной» [19, с. 93]) рассматривает Мюллер-Лайер и становление семейно-брачных отношений. Он пишет: «...эта борьба происходит ежедневно во всем мире, в ней участвуют миллионы борцов обоих полов (*von Millionen von Streitern und Streiterinnen*), вероятно, она закончится только с достижением равенства полов» [20, с. 93]. Достижение этого равенства и возможность реализации индивидуального начала и предполагал его социальный проект, включавший в том числе и реформирование семейных отношений. В целом можно отметить, что Мюллер-Лайер рассматривает войну как проявление особенной естественно-исторической склонности человека, усиленной в рамках процесса эволюции человеческих сообществ. С морально-этической точки зрения он оценивает войну негативно – как ограничение для человеческого счастья и свободы. По его мнению, в процессе нравственной эволюции и эмансипации общество будет способно сначала минимизировать, а в дальнейшем и отказаться от ведения военных действий.

Обратимся к пониманию войны и ее роли в эволюции человеческого общества в работах советских социологов на примере книги С.Я. Вольфсона «Социология брака и семьи» как наиболее объемного и систематического источника. Если обратиться к понятию борьбы, то оно используется Вольфсоном достаточно часто и в разных значениях. Во-первых, он регулярно ссылается на других исследователей, которые пишут о борьбе как факторе эволюции человеческого общества в целом и семейно-брачных отношений в частности: неоднократно упоминающегося в книге российского историка и социолога М.М. Ковалевского (борьба с дикими зверями и другими людьми), З. Фрейда (борьба сыновей с отцом), Г. Эйльдермана (борьба за существование и за расширение источников питания), Дж. Дж. Фрейзера (коллективная борьба за существование). Во-вторых, Вольфсон рассматривает борьбу за существование как определяющий фактор развития полового инстинкта в целом у человека и других живых существ и становления семейно-брачных отношений: «Инстинкт сохранения вида вырабатывается в процессе приспособления каждого животного вида к окружающим его в борьбе за существование условиям» [21, с. 40], «...животный мир на ступенях, неизмеримо далеко отстоящих от человека, создал уже семейно-брачную организацию, причем характер этой организации у каждого животного вида изменяется в зависимости от того естественного окружения, от тех условий борьбы за существование, в которых данный животный вид находится» [22, с. 31]. В-третьих, при рассмотрении положения семьи в феодальном и капиталистическом обществах наблюдаются различные формы социальной борьбы: борьба с падением нравов, борьба женщин за свои права и т. д. Однако эти формы борьбы, как пишет Вольфсон, не затрагивают социально-экономической основы явлений, с которыми они борются, и поэтому с неизбежностью обладают половинчатым, недостаточным характером: «...после лицемерных попыток борьбы с общественной безнравственностью и противным духу истинного христианства развратом феодальное государство начинает самым бесцеремонным образом использовать (здесь и далее сохранена орфография оригинала. – А.Д.) проституцию, как эксплуатируемый государством промысел и важный источник фискального обогащения» [23, с. 226], «...борьба за женские права, всякая борьба с проституцией в условиях капитализма – это поединок с ветряными мельницами» [24, с. 300]. В-четвертых, это борьба между «старыми» и «новыми» формами человеческого общежития, в том числе и в семейной сфере, о чем Вольфсон пишет со ссылкой на работы Г.В. Плеханова. В-пятых, это революционная борьба

с капитализмом, которая затрагивает и половую сферу: «...капитализм сексуализировал искусство, пропитал элементами сексуальности всю общественную жизнь. Он прибегает к наркотически действующему эротизированию масс с той же целью, с которой он отравляет массы и другими наркотиками вроде религии, патриотизма, национализма, – с целью отвлечения их от борьбы с эксплуататорами» [25, с. 291]. И, наконец, в-шестых, особая форма революционной борьбы – борьба в области идей, в данном случае – материалистическая борьба за научную генеономию, т. е. генеономию, основанную на материалистическом понимании истории и использовании диалектической методологии. Основной соперник материалистической генеономии – генеономия буржуазная, отрицающая решающую роль материальных факторов в развитии семьи. Подчеркивая важную роль борьбы с идеалистическими воззрениями, Вольфсон регулярно использует ленинский термин «воинствующий материализм», в том числе однажды на латинском языке – «materialismus militans». Материалистический подход к таким феноменам, как семья и война, предполагает их рассмотрение с точки зрения исторического развития и «привязки» к конкретным периодам. Так, в текстах Вольфсона можно обнаружить упоминания о «буржуазной морали», «христианской морали» и т. д. В подобном ракурсе моральные аспекты конкретных явлений оказываются ограниченными своей эпохой, выполняя как позитивные, так и негативные с точки зрения социального развития и классово-идеологические функции.

Рассматривая проблемы семьи и брака в современном ему западном обществе («на закате капитализма»), Вольфсон начинает с констатации колоссальной роли войны в трансформациях современного капиталистического общества, в том числе в области семейно-брачных отношений, ссылаясь при этом на американского социолога Э.Р. Гроувса, которого он характеризует как «одного из наиболее значительных американских социологов, исследующих современную семью» [26, с. 323]. В целом, по мнению Вольфсона, роль войны в трансформации брачно-семейной жизни сложно переоценить: «...война постоянно вносит изменения в область половых отношений – это факт, хорошо известный всякому социологу и политэконому. Война дезорганизует семью. Она прерывает семейные нити, толкает мужчину и женщину на мимолётные связи, создает кадры сопровождающих и обслуживающих армию проституток, рождает психологию “легкого” отношения к вопросам пола, развязывает сексуальные инстинкты. Она вырывает из рядов живущих значительный процент сильных и крепких мужчин, резко нарушая взаимоотношение между мужской и женской частью населения, пре-вращает большие кадры мужчин в калек и инвалидов, перестающих жить половой жизнью, несет за собой стихийное распространение венерических болезней. Как один из многочисленных результатов сопутствующей войне экономической разрухи увеличивается армия профессиональных проституток и женщин, для которых проституция является подсобным промыслом» [27, с. 323–324]. И далее Вольфсон пишет, что «о силе этого кризиса свидетельствуют многочисленные данные, относящиеся ко всем крупнейшим капиталистическим государствам – победителям, побежденным и нейтральным» [28, с. 324], ссылаясь на ряд немецкоязычных исследователей, наиболее известным из которых сегодня является Р. Михельс. Особенно, по мнению белорусского исследователя, военный кризис отразился на семейно-брачных отношениях в потерпевшей поражение Германии, «в стране, которую буржуазия неизменно считала колыбелью семьи, ее непоколебимой опорой, хранительницей священных семейных устоев» [29, с. 324]. Но, как отмечает Вольфсон со ссылкой на немецких авторов, в том числе в первую очередь К. Маркса и Ф. Энгельса, разрушительное влияние капиталистических отношений на семейную жизнь в Германии стало проявляться задолго до военных событий: «...елейные словечки и медоточивые восхваления немецкой семьи еще задолго до войны находились в вопиющем противоречии с капиталистической действительностью, усиленным темпом разлагавшей семью и расшатывавшей ее пресловутые “основы”» [30, с. 327]. Война в данном случае, считает Вольфсон, выступила в качестве катализатора кризисных процессов. Целый ряд исследований посвящен изучению вопроса о причинах существующего кризиса. Как отмечает Вольфсон, «все эти оценки – при всем их различии – сходятся в одном: они ищут виновника обрушившихся на семью бедствий, измышляют способы борьбы с этим мнимым виновником и рассматривают весь кризис как преходящее явление. Между тем то состояние, которое переживает теперь в капиталистических странах семья, является естественным и неизбежным результатом длительного исторического процесса, начавшегося с внедрением капитализма и достигшего исключительной остроты в послевоенные годы» [31, с. 335–336]. Таким образом, по мнению Вольфсона, события Первой мировой войны лишь ускорили объективный кризис в семейно-брачной сфере, связанный с масштабными социальными и экономическими изменениями. Более того, успешное экономическое и техническое развитие лишь усиливает кризисные процессы, которые равным образом проявляются как в странах-победительницах, так и в странах, потерпевших поражение: «...брачно-семейный кризис с особой остротой ощущается в Германии и Северо-Американских Соединенных Штатах, т. е. в странах, на протяжении послевоенного десятилетия

в своем техническом прогрессе перегнавших все другие капиталистические государства, и где, следовательно, факторы дезинтеграции семьи оказались наиболее действенными. Это, конечно, не значит, что в Англии, Франции, Италии и других государствах все обстоит благополучно» [32, с. 360]. Наиболее существенным следствием военных лет Вольфсон считает радикальное изменение в экономическом положении женщины, которая в силу колоссальных военных потерь среди мужчин вынуждена все более активно включаться в сферу производства и потребления, что является важным фактором распада семьи в капиталистическом обществе. Этот распад, в свою очередь, неизбежно ведет к появлению новых форм семейно-брачных отношений, выходящих за привычные границы, принятые в классовом обществе.

Так, рассуждая об отмирании буржуазной семьи, Вольфсон связывает завершение этого процесса с установлением социалистического строя, при котором семья должна утратить привычные социально-экономические функции: «С исчезновением капиталистических отношений семья, как частно-собственническая ячейка, как аппарат наследственного консервирования собственности, теряет смысл своего существования. Все те функции, которые семья в большей или меньшей степени отправляет в предсоциалистические эпохи, при социализме атрофируются. Социалистическое общество их “отчуждает”... Социализм несет с собою отмирание семьи» [33, с. 375].

В период Гражданской войны, которая выступает здесь как грозная, но одновременно мобилизующая сила, молодые люди находились «в подчинении всеохватывающей задачи борьбы за советский строй. Воля, мысль, вся нервная организация работали в одном направлении ведущейся не на жизнь, а на смерть борьбы. Вся психика молодежи была “на чеку”. Личное, эгоистическое, индивидуалистическое стусевывалось пред коллективным, общественным, классовым. Даже асоциальные “шкурнические” элементы оказывались “зараженными” этим могучим коллективистическим порывом» [34, с. 418]. После окончания войны, напротив, происходит своеобразная «демобилизация» этого волевого порыва: «Нервное напряжение потеряло свою остроту, воля начала размагничиваться. Начало выпячиваться “Я” у классово-недисциплинированных и менее устойчивых единиц, властно требовавшее “компенсации” за годы самозабвения, лишений и вынужденного аскетизма. “Самовозмещение” пошло в первую очередь по линии “пола”» [35, с. 418]. Это привело к преобладанию в молодежной среде вульгарно-материалистических представлений и сведению отношений между полами «к голой физиологической связи» [36, с. 425].

Демонстрируя на разнообразных примерах и статистических материалах проблемы в области семейных отношений, с которыми сталкивается молодое советское общество, Вольфсон завершает свое исследование следующим выводом: «Кризис семьи переходного периода есть кризис перехода к новым формам половых отношений, реализация которых будет осуществляться по мере преобразования общества в социалистическое» [37, с. 444]. Он делает несколько предположений преимущественно отрицательного характера, обосновывая их использованием материалистической методологии: в будущем брак не будет строиться на основе расчета, не будет основываться на подавлении одного пола другим, не будет с необходимостью связываться с созданием семьи, не будет контролироваться со стороны общества, будет базироваться на внутреннем чувстве и совместной склонности. Тем не менее в области брака могут сохраниться определенные аспекты, которые будут продолжать требовать общественного контроля евгенического характера: «Единственное проявление общественного контроля над браком мыслится нами лишь в евгенических целях. Социалистическое общество, вероятно, будет обеспечивать себя от потомков сифилитиков, алкоголиков и лиц, одержимых другими наследственно передаваемыми болезнями. И это будет тем возможным, что у нас есть все основания предполагать, что ко времени социализма деторождение будет уже изъято из-под власти стихии и станет объектом сознательного регулирования со стороны людей. Мы видели выше, что современные американские социологи (имеются в виду работы американского судьи и реформатора Б. Линдси (Линдсея), инициатора введения ювенальной юстиции и практики компаньонского, или товарищеского, брака. — А.Д.) считают это регулирование почти осуществимым уже в настоящее время. Но это, повторяю, единственная сторона брака, которой, по нашему мнению, сможет коснуться контроль социалистического общества. Во всем остальном брак будет для него частным делом» [38, с. 449–450].

Свои прогнозы о будущем брака и семьи при социализме Вольфсон завершает емкой формулировкой вывода о том, что брак будет союзом индивидуальной любви, а семья отомрет. Здесь нужно подчеркнуть, что идея отмирания семьи среди советских идеологов была достаточно распространенной в послереволюционный период [39, р. 45–46]. В последующих работах Вольфсон откажется от этого тезиса как «антимарксистского». Если же сравнивать работы Вольфсона 1920-х и 1930-х годов, то можно отметить, что в более поздних текстах тема войны в целом представлена значительно меньше.

Подведем краткие итоги. Марксистская генеомия как вариант более общего проекта марксистской социологии в БССР в 1920-е гг. развивается под существенным влиянием зарубежных концепций эволюционистской социологии семьи и брака, прежде всего работ Ф. Мюллера-Лайера. Это влияние следует рассматривать как пример более общего процесса трансфера зарубежных идей и концепций в белорусские советские социальные науки и философию. Как и в работах Мюллера-Лайера, в советском учении о семье и браке важную роль играют представления о войне, эксплицированные в понятиях «борьба» и «война». При этом развитие и переосмысление проблем войны происходит во многом за счет смещения морально-этических акцентов в советской версии генеомии. Советская генеомия отходит от рассмотрения борьбы как базовой характеристики человеческого существования, предлагая набор вариантов понимания борьбы. Так, в книге С.Я. Вольфсона по марксистской генеомии дается целый ряд значений понятия «борьба»: как фактор развития полового инстинкта у живых существ в целом; фактор эволюции семейно-брачных отношений и семейно-брачной этики; форма социальных конфликтов в несобориталистических обществах; конфликт между старыми и новыми формами человеческого общежития; конфликт между социализмом и капитализмом, который затрагивает и сферу половой жизни; форма противостояния в области идей. Война при этом понимается как один из ключевых факторов общественного разделения труда и сфера, закрепляющая доминирование одного из полов и формирующая соответствующую этику семейных и любовных отношений. Можно отметить, что в советской генеомии (как и в советском социально-философском дискурсе в целом) происходит определенная социологизация этических вопросов, рассмотрение их с позиций классовых интересов и социального экспериментирования. Подобный подход к анализу социальных явлений позволяет, например, рассуждать о закономерном отмирании семьи как о явлении исторически оправданном. Напротив, война оценивается вполне нейтрально и даже позитивно, если она способствует прогрессивному общественному развитию.

Для описания идейной борьбы активно используется военная лексика: «война», «фронт», «авангард». Отдельно стоит отметить использование понятия «воинствующий материализм», характеризующего классовое понимание научного знания и раскрывающего содержание «борьбы за научную истину» с буржуазными научными теориями.

Если же сравнивать понимание роли войны в социальной эволюции у Мюллера-Лайера и Вольфсона, то у последнего война выступает как необходимый и во многом даже позитивный для эволюции общества фактор. При анализе современного капиталистического общества (общества периода «заката капитализма») Вольфсон отмечает важную роль событий Первой мировой войны и послевоенного периода в трансформации брачно-семейной жизни. Наконец, при рассмотрении советского общества Вольфсон представляет Гражданскую войну как мобилизующую силу, пробуждающую у молодежи волевые импульсы и способствующую активизации классового и коллективистского начал. Напротив, «мобилизация» волевого начала в послевоенный период рассматривается как один из источников возникновения определенных проблем в области половой жизни.

Если характеризовать «этику войны», представленную в текстах С.Я. Вольфсона по генеомии, то ей присущи основные особенности общих представлений об этике, реконструированные на материале изучения этических воззрений Спинозы. Так, в его рассуждениях о специфике войны ключевую роль играют: натуралистическое и даже в большей степени социологизаторское рассмотрение войны; детерминизм в принятии войн как неизбежного фактора эволюции общества; диалектическая оценка причин войны и ее результатов; акцент на роли коллективного блага при анализе войны и ее последствий.

Таким образом, можно сделать вывод, что в 1920-е гг. в белорусской советской философии развивалась своеобразная материалистическая «этика войны», наиболее концептуально и развернуто представленная в работах по изучению семьи и брака. Результаты проведенного исследования могут быть использованы при дальнейшем анализе становления «этики войны» в белорусской интеллектуальной культуре XX в., а также при модернизации учебных курсов по истории белорусской философской мысли и этике, спецкурсов по философии насилия и войны.

Ссылки:

1. Rudling P.A. The Rise and Fall of Belarusian Nationalism, 1906–1931. Pittsburg, 2014. 436 p.
2. Назаров В.Н. Опыт хронологии русской этики XX века: второй период (1923–1959) // Этическая мысль. Вып. 2. М., 2001. С. 169–191.
3. Wood E.A. The Baba and the Comrade: Gender and Politics in Revolutionary Russia. Bloomington; Indianapolis, 2001. 318 p.
4. Гужалоўскі А. Замах на сям'ю: сексуальная рэвалюцыя 1920-х г. у БССР на старонках перыядычнага друку // Беларускі гістарычны агляд. 2015. Т. 22, сш. 1-2. С. 89–123.
5. Генеомия // Философский словарь / под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., 1963. С. 93.
6. Бурова С.Н. Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии. Минск, 2010. 444 с.

7. Новік І.М. С.Я. Вальфсон і беларуская савецкая філасофія 20-х гг. XX ст. // Весці Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі. Серыя гуманітарных навук. 2013. № 1. С. 5–9.
8. Дудчык А.Ю. Трансфер заападнаеарапейскага філасофскага знаяня в Беларусі в 1920-е гг. (на прымере курсов дыялектычнаскага маатэрыялізма) // Філасофія і сацыяльныя навукі. 2015. № 1. С. 31–35; Dudchik A. The Birth of Sociology from the Spirit of (Critique of Bourgeois) Philosophy? The Belarusian Case in the 1960s through 1980s // Stan Rzeczy. 2017. No. 13. P. 93–117.
9. Вольфсон С.Я. Этычнаскае мірасазерцанне Спінозы: даклад на торжественном засе-дании Научного общества при БГУ, посвященном 250-летию со дня смерти Б. Спинозы. Минск, 1927. 16 с.
10. Там же. С. 8.
11. Там же.
12. Deutsche Biographie: Müller-Lyer, Franz Carl [Электронный ресурс]. URL: <https://www.deutsche-biographie.de/sfz66913.html> (дата обращения: 18.08.2020).
13. Berry K. Walter Gropius's Dammerstock and the Possibilities of an Architectural Resistance // Art and Resistance in Germany / ed. by D.A. Barnstone, E. Otto. L., 2018. P. 39–54.
14. Мюллер-Ліэр Ф. История культуры от первобытной эпохи до крушения капитализма: в сжатом очерке (фазы культуры) / пер. с нем. Харьков, 1924. 121 с.; Мюллер-Ліэр Ф. Социология страданий / пер. с нем. М.; Л., 1925. 269 с.
15. Мюллер-Ліэр Ф. Фазы любви / пер. с нем. М., 1913. 243 с.
16. Каценбоген С.З. Спорные вопросы генеомии // Працы Беларускага дзяржаўнага універсітэту. 1923. № 4-5. С. 282–304.
17. Быховский Б. Генеомические воззрения Фрейда // Под знаменем марксизма. 1926. № 9-10. С. 178–194.
18. Muller-Lyer F.C. Die Familie. München, 1911. 378 s.
19. Ibid. S. 93.
20. Ibid.
21. Вольфсон С.Я. Социология брака и семьи. Минск, 1929. 480 с.
22. Там же. С. 31.
23. Там же. С. 226.
24. Там же. С. 300.
25. Там же. С. 291.
26. Там же. С. 323.
27. Там же. С. 323–324.
28. Там же. С. 324.
29. Там же.
30. Там же. С. 327.
31. Там же. С. 335–336.
32. Там же. С. 360.
33. Там же. С. 375.
34. Там же. С. 418.
35. Там же.
36. Там же. С. 425.
37. Там же. С. 444.
38. Там же. С. 449–450.
39. Goldman W.Z. Women, the State and Revolution Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936. Cambridge, 1993. 367 p.

Рэдактар, перааадчык: Серагейчык Людміла Іаановна